
Книга: Б.Житков. "Что я видел". Рассказы и сказки
Издательство "Вэсэлка", Киев, 1988
OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 26 января 2003 года

МЕЧТЫ И СОМНЕНИЯ

Морозным январским днём 1924 года в редакции ленинградского журнала "Воробей" появился невысокий худощавый человек в летнем пальто и кепке. Он принёс рассказ. Отдал его редактору, сам устроился на вытертом диване в гулком редакционном коридоре, закурил...

Неожиданно скоро вся редакция в полном составе вошла в коридор, чтобы поздравить нового автора с отличным рассказом.

Больше всех радовался редактор "Воробья" Самуил Яковлевич Маршак. Он понял, что в детскую литературу пришёл талантливый писатель – Борис Степанович Житков.

Житков стал писателем поздно, прожив большую часть своей жизни. Он успел объехать полмира, много повидать и пережить. Моряк, учитель, рыбак, инженер. Интересы его менялись, и очень долго Житков "не находил себя", не мог понять, в чём же состоит его главное призвание. Писательский талант раскрылся в нём как-то сразу и разгорелся быстро и ярко.

Борис Житков считал себя новгородцем, потому что родился недалеко от Новгорода. Несколько крестьянских избышек и большой дом стояли на высоком берегу Волхова. В этом доме Житковы проводили лето, а осенью возвращались в Новгород.

Отец Бориса Степан Васильевич Житков был учителем математики. Очень хорошим учителем. По учебникам, написанным им, учились арифметике и геометрии несколько поколений.

"Отец отличался общительностью, его любили, и он умел объединить вокруг себя людей, – вспоминала сестра писателя. – Он не терпел никакой небрежности ни в чём". Однако у губернского начальства Степан Васильевич доверием не пользовался. Были известны его давние связи с революционерами, "подозрительное" знакомство со ссыльными, которых в Новгороде жило немало.

Житковы решили уехать из Новгорода. Борису в то время исполнилось шесть лет. Почти всю зиму он прожил у бабушки, на окраине Петербурга, на речке Карповке. Через много лет Житков писал: "Вспоминается Карповка, бабушка, сад в снегу. Снег выше моего роста, тропинки – коридоры. С ветки снег за ворот упадёт и долго холодит спину струйками. Совсем тихо, и слышно Ново-Деревенскую конку. Я тоже начинаю конкой бегать по тропинкам. Вот совсем становится темно, и уже страшно бежать туда, откуда только что прибежал. "Конка" начинает курсировать ближе к дому, к Мопке, что сидит на цепи и уже не лает от старости".

Это у бабушки Борис сломал пароходик, чудесную модель, чтобы поймать маленьких человечков, прятавшихся, как ему казалось, внутри пароходика. Он описал потом этот случай в рассказе "Как я ловил человечков".

Перебрались в Одессу. Новый, сверкающий мир открылся перед Борисом Житковым: море, порт, пароходы, белоснежные парусники. Они и жили прямо в гавани, на Военном молу. Мимо окон их квартиры проходили корабли.

Среди матросов, грузчиков и прочего портового люда Борис быстро стал своим человеком. С гаванскими мальчишками ловил рыбу и крабов. И со взрослыми легко находил общий язык, и те относились к нему с уважением, как к равному.

Ему была дана полная свобода. "Бегал Борис по всем пароходам, – вспоминала его сестра, – лазил по вантам, опускался в машину. Играл с ребятами – детьми матросов, береговой команды и портовой охраны. По вечерам катался с отцом на казённой шлюпке. Шлюпка большая, висит на таях высоко над водой. Её надо спускать вдвоём, и вдвоём надо грести – враспашную. Отец на руле, а Борис с сестрами на вёслах – две пары вёсел. Грести надо по-военному строго: раз – два".

Он слушал весёлый шум порта, рассказы моряков, вернувшихся из дальних стран, греческую, турецкую, английскую, французскую речь.

Мать Бориса Татьяна Павловна была отличной пианисткой. Музыка наполняла